

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-192-203

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Специализированный учебно-научный центр НГУ
ул. Ляпунова, 3, Новосибирск, 630090, Россия*

drakar@ngs.ru

АНТИЧНЫЙ СКЕПТИЦИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Выявлено различие между Пирроном и неопиррониками в вопросе об отношении к практической деятельности. В Пирроне уживалось стремление к безразличному отношению к жизни с отдельными проявлениями предпочтения и избегания. Неопирронники отделили догматические вопросы от житейских, в отношении к первым заняв позицию воздержания от суждения, а в отношении ко вторым – позицию следования законам и обычаям. Установлено, что скептики в политической сфере были сторонниками консерватизма и политического конформизма. В то же время, в условиях политического кризиса, скептик может принимать решения исходя из собственных наблюдений.

Ключевые слова: скептики, Пиррон, Секст Эмпирик, политика, практическая деятельность, воздержание от суждений, консерватизм, политический конформизм.

В данной статье мы рассмотрим вопрос об отношении скептиков к политической деятельности. Сразу подчеркнем, что под скептиками мы будем иметь в виду Пиррона и его последователей¹. Мыслители скептической Академии останутся за рамками нашего исследования, поскольку мы считаем их представителями иной философской тра-

---

¹ К их числу традиционно относятся ученик Пиррона (360–270 до н. э.) Тимон из Флиунта (320–230 до н. э.), а также представители так называемого «возрожденного пирронизма» или неопирронизма Энесидем (I в. до н. э.), Агриппа (I в. н. э.) и Секст Эмпирик (вторая половина II в. н. э.).

диции². Вопрос об отношении скептиков к политике, на наш взгляд, недостаточно освещен в научной литературе. В основном скептики привлекают к себе внимание в связи со своими взглядами в теоретико-познавательной области. Однако очевидно, что представители этого философского направления не могли обойти стороной общественно-политическую проблематику. В условиях формирования нового эллинистического мира и бурных процессов в Греции, а позднее и в Риме, даже далекому от политики философу необходимо было иметь вполне определенную позицию по отношению к этому роду деятельности.

Одной из главных проблем, затрудняющих рассмотрение интересующего нас вопроса, является практически полное отсутствие сведений об отношении скептиков к политической деятельности. В дошедших до нас источниках ничего прямо не говорится о том, что Пиррон и его последователи думали о политике. Данная ситуация вынуждает нас прежде всего обратиться к прояснению вопроса о соотношении у скептиков учения о познании с позицией относительно практической деятельности в целом. Вопрос этот тоже недостаточно ясный. Больше всего трудностей вызывает позиция основателя скептической философии Пиррона. Если обратиться к Диогену Лаэртскому, то складывается довольно противоречивая картина. После сообщения о том, что Пиррон утвердил непостижимость вещей и воздержание от суждений, идет следующий фрагмент: «Он ничего не называл ни прекрасным, ни безобразным, ни справедливым, ни несправедливым и вообще полагал, что истинно ничто не существует, а людские поступки руководятся лишь законом и обычаем, – ибо ничто не есть в большей степени одно, чем другое. В согласии с этим вел он и жизнь свою, ни к чему не уклоняясь, ничего не сторонясь, подвергаясь любой опасности, будь то телега, круча или собака, но ни в чем не поддаваясь ощущениям. От опасностей его уберегали следовавшие за ним друзья. Впрочем, Энесидем говорит, что воздержание от суждений было для него правилом только в философии, в частных же случаях он вовсе не был неосмотрителен» [Диоген Лаэртский. 1979. С. 379].

---

² О различиях между скептиками и академиками упоминает Секст Эмпирик: «Те, что воображают себя нашедшими, называются особым именем догматиков, как, например, последователи Аристотеля, Эпикура, стоиков и некоторые другие; об истине как о невосприимлемом высказались последователи Клитомахы, Карнеада и другие академики, ищут же скептики. Отсюда правильно принимать, что существуют три главнейших рода философии: догматическая, академическая и скептическая» [1976б. С. 207].

Хорошо видно, что источники расходятся в описании образа жизни Пиррона. В одном случае мы видим философа, который в своей жизни ко всему проявлял полное безразличие. Здесь мы имеем дело с человеком, который твердо и последовательно руководствовался принципом воздержания от суждений не только в вопросах философии, но и в повседневной жизни. Во втором случае перед нами предстает мыслитель, для которого воздержание от суждений выступало только в качестве основополагающего принципа в философии, т. е. в теоретических вопросах. В этом случае уже нельзя сказать, что Пиррон в своей повседневной деятельности проявлял полное равнодушие и безразличие.

Другими словами данную проблему описал Жак Брюнсвиг. По его мнению, пирронизм породил очень непростой вопрос о том, «может ли скептик жить в строгом соответствии со своим скептицизмом» [2006. С. 510]. Брюнсвиг отмечает, что в личности Пиррона, согласно биографической традиции, соединяются два совершенно разных образа философа: «Более впечатляющий показывает его безразличным и к себе самому, и к другим, невозмутимым в любых обстоятельствах, по своей воле бесчувственным и чуть ли не сумасбродным. Неопирроники не примут подобный образ своего учителя и будут утверждать вслед за Энесидемом, что если Пиррон философствовал на скептический лад, то в повседневной жизни он не был неосмотрителен» [Там же. С. 510–511]. Двойственный образ Пиррона, согласно Брюнсвигу, приведет к формированию в Античности двух версий скептицизма. «Грубый» скептицизм откажется от любой уверенности, даже от той уверенности, которая проявляется в повседневной жизни. «Культурный» скептицизм ограничится лишь критикой притязаний философов и ученых на познание объективной природы вещей. В отношении явлений (видимостей) эта версия скептицизма вполне дает свое согласие, хотя бы и в ослабленной форме (см.: [Там же. С. 511–512]).

Какой же из этих двух образов Пиррона, на наш взгляд, выглядит более правдоподобным, и соответственно, как у основателя скептицизма обстояло дело с вопросом о соотношении теории и практики? В пользу версии о том, что Пиррон последовательно проводил в жизнь принцип воздержания от суждений, говорят несколько историй, сообщаемых Диогеном Лаэртским. В одном эпизоде сообщается, что, когда учитель Пиррона «Анаксарх попал в болото, Пиррон прошел мимо, не подав руки; люди его бранили, но Анаксарх восхвалял – за безразличие и безлюбие» [Диоген Лаэртский. 1979. С. 379]. В другом месте говорится, что Пиррон «сам носил продавать на базар

кур и поросят и сам прибирался в доме, сохраняя полное безразличие; говорят, он даже свинью купал по своему безразличию» [Там же. С. 380]. В одной из самых известных историй о Пирроне упоминается случай, приключившийся с ним во время путешествия: «На корабле во время бури, когда спутники его впали в уныние, он оставался спокоен и ободрял их, показывая на корабельного поросенка, который ел себе и ел, и говоря, что такой бестревожности и должен держаться мудрец» [Там же. С. 381]. Еще одним свидетельством, говорящим в пользу стремления Пиррона придерживаться в жизни своих философских принципов, является следующий эпизод: «В другой раз на него набросилась собака, и он испугался, но на укеры ответил, что нелегко всецело отрешиться от человеческих свойств, однако против всего, что происходит, он ополчается, сколько есть сил, делом, а когда недостает сил – словом» [Там же. С. 380]. Эта история хорошо показывает, что невозможно сохранять полное безразличие и отрешенность во всех жизненных ситуациях. Даже Пиррону этого не удавалось. Но, тем не менее, как видно из представленных фрагментов, он стремился к этому всеми силами.

Версия о том, что Пиррон воздерживался от суждений только в философских вопросах, а в реальной жизни и предпочитал, и избегал, также подкрепляется рядом сообщений. Именно этой версии придерживались неопирроники, в частности Энесидем и Секст Эмпирик. Диоген Лаэртский сообщает одну весьма любопытную историю. Якобы однажды Пиррон «за сестру свою пришел в гнев, а когда его попрекнули, ответил, что не за счет женщины подобает щеголять безразличием». Если верить этому сообщению, получается, что Пиррон допускал в отдельных случаях проявление эмоций и решительности. Тот же Диоген Лаэртский передает, что «в отечестве своем Пиррону воздавали такой почет, что назначили его верховным жрецом» [Там же. С. 380]. Мы полагаем, что без согласия и заинтересованности Пиррона назначение его верховным жрецом вряд ли бы могло состояться. Это еще один аргумент в пользу версии о том, что в жизни Пиррон далеко не всегда придерживался полного безразличия.

Если сравнивать два образа Пиррона, то нельзя сказать, что один из них выглядит намного более правдоподобным. Обе версии образа жизни Пиррона имеют свои аргументы, не учитывая которые мы не имеем права. Мы согласны с мнением, что в личности Пиррона прослеживается двойственность. Однако выскажем предположение, что эта двойственность в Пирроне могла уживаться. Во-первых, следует иметь в виду тот факт, что скептическая философия в лице Пиррона только зародилась, и поэтому, как часто бывает, далеко

не все аспекты учения могли быть досконально проработаны, в том числе и вопрос о практическом воплощении теоретических построений. Во-вторых, следует понимать, что Пиррону при всем желании вряд ли бы удалось в полной мере воплотить идеал совершенно безразличного ко всему мудреца. Здесь уместно вспомнить младших современников Пиррона и его коллег по эллинистической философии – стоиков. Как известно, идеалом у них выступал также бесстрастный и невозмутимый мудрец. Но стоический мудрец является абсолютно добродетельной личностью, «персонификацией нравственного идеала», который «рождается раз в 500 лет» [Столяров, 1995. С. 209–210]. Кроме этого, стоикам в жизни не возбранилось одни вещи предпочитать (так называемое безразличное предпочитаемое), а других вещей избегать (безразличное непредпочитаемое). На наш взгляд, учение о безразличном стоики разработали как раз в качестве своего рода уступки реалиям жизни, которые вынуждают любого человека принимать решения, совершать поступки, выбирать и избегать (см.: [Бровкин, 2011. С. 122–123]). Все это говорит о том, что даже такие моральные ригористы и абсолютисты, как стоики осознавали, что достичь в жизни полного бесстрастия и невозмутимости невероятно сложно. В этой связи непоследовательность Пиррона в деле достижения полного безразличия могла также объясняться некоторой уступкой реалиям жизни, требующим как минимум в отдельных ситуациях решительного согласия или несогласия. Поэтому, на наш взгляд, в Пирроне уживались две линии поведения. Да, очевидно, что Пиррон в своей практической деятельности стремился к безразличному отношению ко всему, что его окружало. Но вместе с тем иногда он мог себе позволить что-то предпочесть и от чего-то отказаться, не придавая, впрочем, всему этому большого значения, поскольку окружающая действительность, по его мнению, представляет собой лишь видимость.

Теперь рассмотрим вопрос о соотношении теории и практики у последователей Пиррона. Какова была их позиция по поводу того, следует ли в жизни придерживаться принципа воздержания от суждений? Ответ на этот вопрос не вызывает затруднений, и он уже был нами отчасти дан выше. Как уже отмечалось, последователи Пиррона, особенно неопирроники, отказались строго следовать принципу воздержания от суждений в практической деятельности. Они провели четкую границу между сферой научно-философских вопросов и сферой, связанной с житейскими вопросами и практической деятельно-

стью. В результате знаменитое скептическое «эпохэ»³ было нацелено только на вопросы из области философии и науки. В сфере житейских вопросов скептики опирались на законы и традиции. Именно об этом идет речь в одном из фрагментов у Диогена Лаэртского: «Догматики уверяют, будто скептик при своем образе жизни не откажется даже пожрать собственного отца, коли от него того потребуют; но скептики на это отвечают, что они при своем образе жизни воздерживаются от вопросов догматических, но не от житейских и обычных; стало быть, в этих последних можно и кое-что предпочитать и кое-что избегать, следуя обычаям и соблюдая законы» [1979. С. 393].

Таким образом, можно сказать, что неопирронники избавятся от двойственности Пиррона и придадут скептическому учению стройный и законченный вид. В этом учении уже не останется места несогласованности в вопросе соотношения теоретических построений и практической деятельности. Пьер Адо отмечает, что после «уничтожения философского дискурса философским дискурсом» у скептика останется только нефилософский образ жизни (см.: [1999. С. 160]). Как пишет Адо, «та повседневная жизнь, какую ведут все, станет жизненным правилом скептика: он будет попросту использовать, наравне с профанами, свои природные способности, чувства и разум, применяться к обычаям, законам, установлениям своей страны, следовать своим естественным наклонностям и влечениям» [Там же. С. 160–161].

Для того чтобы понять причины, побудившие неопирронников занять данную позицию в этом вопросе, следует обратиться к Сексту Эмпирику. В XI книге сочинения «Против ученых» Секст Эмпирик говорит, что «скептик живет не согласно философскому рассуждению, а по нефилософскому наблюдению может одного желать, а другого избегать» [1976а. С. 34]. В сочинении «Три книги Пирроновых положений» философ продолжает эту мысль: «Мы следуем какому-нибудь положению, указывающему нам в соответствии с явлением необходимость жить по завету отцов, по законам и указаниям других людей и по собственному чувству» [1976б. С. 210–211]. Секст Эмпирик подчеркивает, что скептик в жизни отталкивается от явлений, не высказывая при этом мнения о том, каковы они по своей природе. И при этом добавляет, что скептик поступает так потому, что не может быть «всецело бездеятельным» [Там же. С. 212]. Вполне возможно, именно здесь кроется ответ на вопрос о том, почему не-

---

³ «Эпохе» (εσλοχη) – один из главных терминов в философии скептиков, означающий воздержание от суждения.

опирроники отказались от последовательной реализации принципа воздержания от суждений в практической деятельности, согласившись следовать в ней законам и обычаям. Вероятно, по мнению неопирроников, в повседневной жизни просто невозможно быть совершенно бездеятельным, а полный отказ от суждений именно к этому состоянию и ведет.

В жизни любой человек вынужден принимать решения и совершать поступки, он не может быть абсолютно бездеятельным. Любое решение связано с согласием и одобрением. А воздержание от суждения, как учат скептики, «есть такое состояние ума, при котором мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем» [Секст Эмпирик. 1976б. С. 209]. В вопросах философии и науки, или, как их называют скептики, в вопросах догматических, воздержание от суждения не грозит обернуться неприятными последствиями. А вот последовательное воздержание от суждения в практической деятельности может привести человека к весьма затруднительному положению в жизни. С целью избежать данной ситуации неопирроники и заняли ту позицию, которая им позволила, образно выражаясь, усидеть на двух стульях.

К таким же выводам приходит и В. П. Лега в своей работе «Секст Эмпирик: скептицизм как образ жизни». Как отмечает исследователь, явление, т. е. то, что доступно человеку и служит критерием его образа жизни, скептики противопоставляют «скрытому», «неочевидному», т. е. самим вещам, как они есть сами по себе (см.: [1991. С. 214–215]). И далее Лега говорит следующее: «Явление – это основа не знания, а поведения, образа жизни. Это и позволяет скептику действительно, не противореча установкам своего учения, жить в этом мире не бездеятельно» [Там же. С. 216].

Итак, мы выяснили, что скептики, начиная уже с Пиррона, не испытывали сложностей в вопросе согласования своих теоретических построений с практической деятельностью. Отчасти Пиррон и в полной мере неопирроники руководствовались в жизни теми установлениями, которые были укоренены в обществе. Очевидно, что к политике как неотъемлемой части практической деятельности у скептиков было такое же отношение. Позиция скептика определялась законами и политическими традициями того государства, жителем которого он являлся.

На практике это должно было выражаться в таких вещах, как законопослушность, консерватизм и политический конформизм. Законопослушность скептика вытекала из его стремления следовать законам того государства, в котором он живет. Консерватизм и политиче-

ский конформизм скептика связан с тем же принципом следования законам и обычаям, а также с приспособлением к господствующим порядкам. Скептик, вероятно, примет любое устоявшееся государственное устройство и любую устоявшуюся власть. Это может быть демократия, олигархия, монархия или даже тирания. Скептика устроит любой вариант. Главное, чтобы эта политическая система была устойчивой и стабильной. У Секста Эмпирика на этот счет имеется довольно показательный фрагмент: «Принуждаемый тираном к совершению чего-либо недозволенного, он, возможно, будет выбирать то, что, по его представлению, согласно с отеческими законами и обычаями, а другого избегать» [1976а. С. 34]. Хорошо видно, что, по мнению Секста Эмпирика, скептик в политической деятельности предпочтение отдаст тому, что соответствует законам, и отвергнет то, что им не отвечает. Также с уверенностью можно сказать, что участие скептика в политике будет определяться теми политическими традициями, которые господствуют в его государстве. Если скептик будет жить в государстве, в котором по закону и обычаям гражданин обязан участвовать в политической жизни, то и он, несомненно, примет в этом участие. Если же скептик будет жить в государстве, в котором по закону участие граждан в политике резко ограничено, то и он, скорее всего, останется в стороне от участия в этой деятельности.

Остается неясным вопрос о том, как будет вести себя скептик в условиях нестабильной политической обстановки или острого политического кризиса. Что делать скептику в условиях разрушения политической системы? Будет ли он ее поддерживать или примет участие в ее уничтожении? Допустимо ли для скептика участие в государственных преобразованиях? В источниках по скептической философии такие ситуации не упоминаются. Однако, на наш взгляд, некоторые выводы сделать можно. Мы полагаем, что скептик не станет всеми силами цепляться за тот государственный строй и поддерживать ту власть, которые доказали свою негодность и потеряли содействие народа.

Да, скептик в жизни ориентируется на существующие порядки и установления. Но это не значит, что он будет держаться за них до конца и при любых обстоятельствах. Еще раз напомним слова Секста Эмпирика о том, что скептик будет «жить по завету отцов, по законам и указаниям других людей и по собственному чувству» [1976б. С. 210–211]. Иначе говоря, скептику допускается жить не только в соответствии с законами и обычаями, но и в соответствии с собственным чувством. А это, на наш взгляд, говорит о наличии у скептика такого качества, как политическое благоразумие. Можно уверенно сказать, что скептик будет избегать крайностей в своем отношении

к политической сфере. Но, опираясь на законы и традиции, он в то же время не будет всегда им слепо следовать. В условиях политических потрясений, когда прежние законы и установления теряют свою силу, скептику не запрещается поступать так, как ему велит голос разума.

После всего вышеизложенного нам остается рассмотреть вопрос об отношении скептиков к политической теории. Нам ничего не известно о существовании учения скептиков о государстве. Но нас это не должно удивлять. Дело в том, что этого учения просто никогда не существовало. Его и в принципе не могло быть. Попытаемся объяснить данную точку зрения. Как известно, политика в античной философии, начиная уже как минимум с Платона, выделилась в особый раздел знаний. Платон, Аристотель, стоики имели свое полноценное учение о государстве. Судя по всему, определенные политические представления были и у других философов, в частности у Пифагора, Гераклита, Демокрита, софистов, Сократа, киников, Эпикура. В случае со скептиками ситуация обстоит таким образом, что у нас нет никаких сведений об их интересе к политической науке. Но это не значит, что им нечего было сказать по этому поводу. На наш взгляд, данная ситуация может объясняться тем общим подходом, который скептики применяли в своей философии. Как скептики могли оценивать мнение, претендующее на статус объективного и точного знания? Очевидно, что только критически и никак иначе. Учение о государстве любого греческого философа претендовало на истинность в плане описания и объяснения как социально-политических процессов, так и модели идеального государства. Для скептика такая установка была бы неприемлемой, прежде всего в силу разнообразия мнений по поводу политических вопросов, т. е. одного из главных скептических «тропов»⁴. Равносилие противоположных идей и аргументов в политической науке для скептика является верным свидетельством бессмысленности этой науки и доказательством того, что относительно этих вопросов следует воздерживаться от суждения.

Подведем итоги. Как мы установили, в основе отношения скептиков к политике лежат их представления об участии в практической деятельности в целом. В этом вопросе между скептиками имелись некоторые отличия. В Пирроне уживалась двойственность, которая заключалась, с одной стороны, в стремлении строго следовать принципу безразличного отношения к жизни, а с другой – в уступках предпочтению и избеганию в отдельных случаях. Неопиррони-

---

⁴ «Тропы» (τρόπος) – это аргументы скептиков в пользу воздержания от суждения, а также доказательства против догматиков.

ки заняли более последовательную позицию, которая заключалась в делении всех вопросов на догматические и житейские. Воздержание от суждения касалось только первой группы вопросов. В области житейских вопросов неопирронники всецело положились на существующие законы и установления. Таким образом, и отношение скептиков к политической деятельности определялось в основном законами и политическими традициями. Это делало скептиков сторонниками консерватизма и политического конформизма. В то же время, как мы выяснили, в условиях политических потрясений скептик имел право принимать решения исходя из собственных наблюдений. Также было установлено, что скептики не признавали политику как науку, поскольку последняя претендовала на статус объективного и точного знания.

Список литературы

Адо П. Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999.

Бровкин В. В. Место телесных и внешних благ у ранних стоиков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 4. С. 118–124.

Брюнсвиг Ж. Пиррон // Греческая философия / Под ред. М. Канта-Спербер: В 2 т. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. Т. 2. С. 509–520.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Лега В. П. Секст Эмпирик: скептицизм как образ жизни // Mathesis. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. С. 210–220.

Секст Эмпирик. Против ученых. Книга XI. Против этиков // Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль. 1976а. Т. 2.

Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль. 1976б. Т. 2.

Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками-групп», 1995.

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
3 Lyapunov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

drakar@ngs.ru

ANCIENT SKEPTICISM AND POLITICAL ACTIVITY

A distinction is made between Pyrrho and neo-pyrrhonists on their attitude towards practical activity. In Pirron, the desire for an indifferent attitude toward life was combined with separate manifestations of preference and avoidance. Neo-pyrrhonists separated dogmatic questions from everyday concerns. In relation to dogmatic questions, skeptics took the position of abstaining from judgment. In relation to everyday matters, they took the position of following customs and laws. It is established that skeptics in the political sphere were supporters of conservatism and political conformism. At the same time, in the conditions of political crisis, the skeptic can make decisions based on his own observations.

Keywords: Skeptics, Pyrrho, Sextus Empiricist, politics, practical activity, abstention from judgment, conservatism, political conformism.

References

Ado P. Chto takoe antichnaya filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie antique]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 1999. (In Russ.)

Brovkin V. V. Mesto telesnykh i vneshnykh blag u rannykh stoikov [The place of corporal and external goods in early stoicism]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2011, vol. 9, no. 4, p. 118–124. (In Russ.)

Bryunsvig Zh. Pirron. Grecheskaya filosofiya [Philosophie Grecque]. M. Kanto-Sperber (ed.). Sous la direction de Monique Canto-Sperber: In 2 vols]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2006, vol. 1. (In Russ.)

Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [Lives of Eminent Philosophers], Moscow, Mysl' Publ., 1979. (In Russ.)

Lega V. P. Sekst Empirik: skepticizm kak sposob zhizni [Sextus Empiricist: scepticism as a way of life]. *Mathesis. Iz istorii antichnoi nauki i filosofii* [*Mathesis. From the History of Ancient Science and Philosophy*]. Moscow, Nauka, 1991. (In Russ.)

Sekst Empirik. Protiv uchenykh. Kniga XI. Protiv etikov [Against the Mathematicians]. Sekst Empirik. *Sochineniya: V 2 t.* [*Works: In 2 vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1976a, vol. 2. (In Russ.)

Sekst Empirik. Tri knigi Pirronovykh polozhenii [Outlines of Pyrrhonism]. Sekst Empirik. *Sochineniya: V 2 t.* [*Works: In 2 vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1976b, vol. 2. (In Russ.)

Stolyarov A. A. Stoya i stoitsizm [Stoa and stoicism]. Moscow, Kami-grupp, 1995. (In Russ.)